

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.139-150

Д. Н. Софронов*

Противоречия в сфере правового регулирования разглашения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, без согласия доверителя

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования разглашения адвокатом без согласия доверителя полученных от него сведений, в том числе составляющих адвокатскую тайну. Автор доказывает, что в правоприменительной практике субъекты рассматриваемых правоотношений руководствуются пунктом 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, допускающим совершение адвокатом указанных действий при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. Однако данное положение противоречит подпункту 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», содержащему запрет на разглашение без согласия доверителя полученных от него сведений. В целях устранения юридической коллизии предлагается внести изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», закрепив норму, идентичную по содержанию части 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ключевые слова: адвокат; адвокатура; адвокатская тайна; разглашение профессиональной тайны; доверитель; юридическая коллизия; запрет; дозволение; юридические ограничения; профессиональная этика

Для цитирования: Софронов Д. Н. Противоречия в сфере правового регулирования разглашения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, без согласия доверителя // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 139–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.139-150

Contradictions in the Legal Regulation of Disclosure by an Attorney of Information Constituting Attorney-Client Privilege without the Client's Consent

Dmitry N. Sofronov, Assistant to the Rector of Vologda State University, Vologda, Russian Federation
sdn_35@mail.ru

Abstract. The paper examines the specifics of legal regulation regarding the disclosure by an advocate of information received from a client without the client's consent, including information constituting attorney-client privilege. The author demonstrates that in law enforcement practice the parties to the legal relations in question are guided by paragraph 4 of Article 6 of the Code of Professional Ethics of Lawyers, which permits the lawyer to perform the specified actions when considering a civil dispute between him and the client or for his own defense in disciplinary proceedings or a criminal case initiated against him. However, this provision contradicts subparagraph 5

© Софронов Д. Н., 2026

* Софронов Дмитрий Николаевич, помощник ректора Вологодского государственного университета
ул. Ленина, д. 15, г. Вологда, Российская Федерация, 160000
sdn_35@mail.ru

of paragraph 4 of Article 6 of the Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ «On Attorney Activities and Advocacy in the Russian Federation», which contains a prohibition on the disclosure of information received from the client without their consent. To eliminate this legal conflict, it is proposed to amend the Federal Law «On Attorney Activities and Advocacy in the Russian Federation» by establishing a provision identical in content to Part 4 of Article 6 of the Code of Professional Ethics of Advocates.

Keywords: advocate; advocacy; attorney-client privilege; disclosure of privileged information; client; legal conflict; prohibition; permission; legal restrictions; professional ethics

Cite as: Sofronov DN. Contradictions in the Legal Regulation of Disclosure by an Attorney of Information Constituting Attorney-Client Privilege without the Client's Consent. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):139-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.139-150

Убежденность доверителя в том, что адвокат без его согласия не предаст огласке сведения, полученные в процессе осуществления профессиональной (адвокатской) деятельности, связанной с защитой его прав и интересов, является одним из условий формирования доверительных отношений между субъектами рассматриваемых правоотношений. В этой связи законодатель максимально расширил перечень сведений, относящихся к предмету адвокатской тайны, и установил особый правовой режим, призванный обеспечить ее сохранность.

Несмотря на это, вопрос о пределах действия адвокатской тайны остается дискуссионным. Основное внимание теоретиков и практиков сосредоточено на оценке допустимости ее ограничения. В отличие от сторонников абсолютизации адвокатской тайны критики данного подхода полагают целесообразным признать правомерным предоставление адвокатом компетентным органам полученной от доверителя информации о готовящемся преступлении. При этом проблема дозволенности в целях самозащиты огласки адвокатом без согласия доверителя полученных от него сведений не получила должного освещения в юридической литературе. Между тем заявленная тематика является актуальной, достойна отдельного внимания и детального осмысления.

Как отмечено И. С. Токмаковым, споры между адвокатом и доверителем, становящиеся предметом как дисциплинарных, так и судебных

разбирательств, не являются редким случаем¹. По мнению Ф. Г. Лашкина, несмотря на то что большинство таких споров, влекущих юридические и репутационные риски, решается во внесудебном порядке, каждый адвокат должен рассматривать «риск судебного иска недовольного клиента к нему в качестве реального и быть к этому готовым»². Применительно к тематике настоящей работы важен сам факт того, что в условиях дисциплинарных или судебных разбирательств огласка сведений, полученных от доверителя, является одним из инструментов механизма самозащиты адвокатов, правовое регулирование которого не лишено противоречий.

Теоретическая значимость анализируемой проблемы обусловлена тем, что формирование правового механизма огласки адвокатом без согласия доверителя полученных от него сведений является неотъемлемой частью решения общей (комплексной) задачи, связанной с определением характера адвокатской тайны и границ ее действия. Практический интерес состоит в оценке эффективности способов преодоления имеющих место противоречий в сфере правового регулирования рассматриваемых правоотношений, которыми следует руководствоваться правоприменителю в конкретных ситуациях.

В пункте 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.³, установлен неограниченный срок хранения адвокат-

¹ Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 4.

² Лашкин Ф. Г. Судебные споры адвокатов с доверителями // Уголовный процесс. 2019. № 7. С. 22–31.

³ Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2004. № 3 (75).

ской тайны. При этом в п. 3 ст. 6 КПЭА не просто закреплено требование о том, что «адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя», — конкретизирован механизм соответствующей процедуры, предусматривающий необходимость получения согласия доверителя на прекращение действия адвокатской тайны «в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц». Кроме того, в пп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА установлен запрет на разглашение без согласия доверителя сведений, сообщенных им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и на их использование адвокатом в своих интересах или в интересах третьих лиц.

Вместе с тем из этого правила имеется единственное исключение. В соответствии с п. 4 ст. 6 КПЭА «без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу». Тем самым КПЭА наделяет адвокатов правом на разглашение информации, полученной от доверителя, без его согласия в целях самозащиты при наличии одного из трех оснований, указанных в анализируемом предписании.

Более того, согласно Рекомендациям по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утвержденным решением Совета Федеральной палаты

адвокатов РФ от 30.11.2009 (протокол № 3), с дополнениями от 28.09.2016 (протокол № 7), от 05.10.2017 (протокол № 5)⁴, исключение из запретов, установленных Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатской деятельности⁵) и КПЭА и действующих в целях обеспечения иммунитета доверителя (п. 2 и 3 ст. 5, п. 6 ст. 6, пп. 1, 2, 4 п. 1 ст. 9 КПЭА и пп. 3 и 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности), предусмотрено пунктом 4 ст. 6 КПЭА. Аналогичная позиция представлена в Разъяснении Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях и иных правонарушениях⁶.

Логика составителей Кодекса вполне понятна и очевидна: в п. 3 ст. 6 и в пп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА сформулировано общее правило обращения со сведениями, полученными адвокатом от доверителя, из которого есть исключение, предусмотренное пунктом 4 ст. 6 Кодекса. По мнению С. К. Буровой, данное исключение «призвано оградить адвоката от злоупотреблений со стороны доверителя»⁷. Полагаем, что мотивация внесения соответствующего предписания в Кодекс не ограничивается ситуациями, связанными с негативным умыслом этой категории лиц. В отдельных случаях претензии доверителей могут быть обоснованными, что не лишает адвоката права на защиту. Как представляется, закрепление в КПЭА анализируемого положения продиктовано необходимостью наделяния адвокатов инструментом для самозащиты, позволяющим представить свою позицию при рассмотрении компетентными инстанциями спора между указанными субъектами.

⁴ URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁵ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁶ См.: Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 28.06.2017 № 07/17 (протокол № 4)) // URL: http://fparf.ru/documents/resheniya_komissii_po_etike_i_standartam/40465/ (дата обращения: 11.06.2025).

⁷ Бурова С. К. Об адвокатской тайне // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 264–265.

Впрочем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что пункт 4 ст. 6 КПЭА противоречит положениям, закрепленным в пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности, не предусматривающим каких-либо исключений из требований, определяющих порядок огласки адвокатом информации, полученной в ходе осуществления профессиональной (адвокатской) деятельности. Из его содержания следует, что единственным основанием для разглашения адвокатом сведений, сообщенных ему доверителем «в связи с оказанием последнему юридической помощи», является согласие непосредственно самого доверителя. То есть анализируемое предписание КПЭА позволяет адвокатам совершение действий, которые запрещены нормой Федерального закона.

Необходимо учитывать, что в целях своей защиты адвокат, руководствуясь п. 4 ст. 6 Кодекса, может огласить сведения, содержащие адвокатскую тайну, понятие и содержание которой определено в п. 1 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности и конкретизировано в п. 5 ст. 6 КПЭА. По мнению В. Ф. Анисимова, несмотря на закрепление в законодательстве абсолютного характера адвокатской тайны, правоприменительная практика свидетельствует о том, что она относительна⁸. В качестве одного из примеров ограничения адвокатской тайны приводится Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁹. В соответствии со ст. 7 указанного законодательного акта при сопровождении финансовых и имущественных операций клиентов при наличии сомнений относительно происхождения средств или их использования в целях финансирования терроризма адвокат обязан уведомлять об этом уполномоченный орган. При этом согласно п. 5 ст. 7.1 Закона положения о передаче информации в Федеральную службу по финансовому контролю и мониторингу не относятся к сведениям, на которые распространяется требование законода-

тельства Российской Федерации о соблюдении адвокатской тайны.

Не останавливаясь на анализе данного нормативного правового акта, следует отметить, что согласно п. 1 ст. 4 Закона об адвокатской деятельности законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре состоит не только из этого, но и из других федеральных законов. Соответственно, Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ также относится к нормативным правовым актам, регламентирующим отдельные аспекты адвокатской деятельности. При этом статья 7 и пункт 5 ст. 7.1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ содержат не просто требования, противоречащие п. 1 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности, а положения, которые выводят из предмета адвокатской тайны соответствующие сведения.

Сказанное позволяет отграничить противоречия между п. 4 ст. 6 КПЭА и пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности от коллизии норм Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ и Закона об адвокатской деятельности.

Анализируемое предписание КПЭА по объекту регулирования не приводит к полной невозможности применения в практической плоскости указанной нормы Федерального закона. Тем не менее следует констатировать, что адвокатское сообщество, принявшее в лице участников I Всероссийского съезда адвокатов Кодекс, фактически наделило адвокатов правом на совершение действий, которые неизбежно влекут нарушение границ дозволений и запретов, сформулированных в пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Обращает на себя внимание сам факт закрепления в Кодексе предписания, расширяющего пределы допустимого поведения адвокатов в условиях установленных Законом об адвокатской деятельности запретов, не предусматривающих исключений. Огласка соответствующих сведений, в том числе составляющих адвокатскую тайну, в порядке, предусмотренном частью 4 ст. 6 КПЭА, санкционирована самим адвокат-

⁸ Анисимов В. Ф. Пределы адвокатской тайны // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 66–68.

⁹ СЗ РФ. 2001. № 333 (ч. I). Ст. 3418.

ским сообществом, которому законодатель не делегировал правомочий по изменению границ действия установленных им правовых дозволений и запретов в рассматриваемой сфере.

Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что пункт 4 ст. 6 КПЭА не только расширяет права адвокатов, признавая правомерными их действия в рамках самозащиты по огласке без согласия доверителей полученных от них сведений. В юридической литературе отмечается, что адвокат не вправе использовать эти сведения против доверителя¹⁰. Следует согласиться, что данный инструмент должен применяться только для самозащиты, т.е. в качестве ответной реакции на вызовы извне. Это продиктовано тем, что при ее осуществлении интересы доверителя формально нарушаются. Не останавливаясь на проблеме оценочного характера посылы о разумно необходимом для обоснования своей позиции объеме сообщаемых сведений, применительно к тематике настоящей работы следует сосредоточиться на ином важном аспекте. Вопреки установкам законодателя адвокатское сообщество по собственному усмотрению в интересах непосредственно адвокатов де-юре ограничило право доверителей на сохранение этих сведений в тайне и предание их гласности только при условии соблюдения требований, предусмотренных подпунктом 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Сложившуюся ситуацию А. Д. Бойков объяснил неудачной формулировкой статьи 8 Закона об адвокатской деятельности, в числе других накладывающей на адвоката необоснованные обременения, «противоречащие его профессиональному и гражданскому долгу либо угрожающие его интересам»¹¹. Кроме того, по мнению автора, составители Кодекса, не отвергая «мысль об абсолютном характере адвокатской

тайны», проигнорировали ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и наделили адвокатов правом, предусмотренным пунктом 4 ст. 6 КПЭА¹². Проблема, обозначенная А. Д. Бойковым и заслуживающая, по нашему мнению, внимания, не получила последующего обсуждения и осмысления в юридической литературе.

До настоящего времени противоречия между анализируемым предписанием КПЭА и нормами Закона об адвокатской деятельности не устранены, попыток унификации подходов к формированию механизма правового регулирования рассматриваемых правоотношений не предпринималось. Более того, изменения, внесенные Федеральным законом от 20.12.2004 № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»¹³, лишь усилили несогласованность позиций законодателя и адвокатского сообщества в этой сфере.

В соответствии с п. 2 ст. 4 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности корпоративные нормы адвокатского сообщества (КПЭА, решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов РФ, принятые в пределах их компетенции) обязательны для исполнения каждым адвокатом. В силу этого адвокаты поставлены перед необходимостью выбора способа правового регулирования рассматриваемых правоотношений, которым будут руководствоваться в конкретных обстоятельствах. Опираясь на требования Закона об адвокатской деятельности и следуя правилам разрешения (преодоления) иерархической коллизии, адвокат фактически должен отказаться от апеллирования к п. 4 ст. 6 КПЭА и использования предоставленного ему указанным корпоративным актом права на разглашение полученных от доверителя сведений в целях самозащиты.

¹⁰ См.: Григорьева Т. А., Щербакова Л. Г. Этические проблемы сохранения адвокатской тайны // Правовая культура. 2018. № 3 (34). С. 40 ; Исанов С. Н. О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре // Адвокат. 2004. № 11. С. 10–16.

¹¹ Бойков А. Д. Нужно действовать в интересах права. В предмет профессиональной тайны адвоката не должны входить сведения о готовящемся тяжком и особо тяжком преступлении // Адвокатская газета. 2010. № 1 (66).

¹² Бойков А. Д. Указ. соч.

¹³ СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. I). Ст. 5267.

Вместе с тем в подобных условиях существенно ограничиваются его возможности обоснования своей позиции в любой из трех ситуаций, определенных пунктом 4 ст. 6 КПЭА, а в отдельных случаях это становится невозможным. Руководствуясь п. 4 ст. 6 КПЭА, адвокат фактически пользуется правом, предоставленным ему Кодексом, но совершает действия, противоречащие пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности. Как следствие, они могут быть оспорены заинтересованной стороной в установленном, в том числе судебном, порядке.

По мнению А. Д. Бойкова, при введении п. 2 ст. 4 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности законодатель закрыл глаза на противоречие рассматриваемого корпоративного предписания Федеральному закону¹⁴. Полагаем, что при внесении соответствующих изменений законодатель не подвергал анализу предписания КПЭА на предмет соответствия Закону об адвокатской деятельности и даже не ставил такой цели. Более того, как представляется, посыл, сформулированный в п. 2 ст. 4 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности, не следует рассматривать в качестве законодательного признания легитимности исключения, предусмотренного пунктом 4 ст. 6 КПЭА. Указанные нормы Федерального закона придают положениям Кодекса императивный характер, обязывая адвокатов их исполнять. Однако это вовсе не

означает, что законодатель при наличии противоречий в правовом регулировании рассматриваемых правоотношений установил приоритет предписаний локального корпоративного акта над нормами Закона об адвокатской деятельности и санкционировал право руководствоваться ими, игнорируя правила разрешения (преодоления) юридической коллизии.

КПЭА представляет собой «совокупность правил поведения этико-правового характера, действующих в отношении лиц, осуществляющих профессиональную юридическую деятельность, обеспечивающих нравственный характер взаимоотношений, обусловленных профессиональной деятельностью»¹⁵. В юридической литературе остается дискуссионным вопрос о его правовом статусе. Среди различных точек зрения наиболее распространены подходы, рассматривающие КПЭА в качестве правового акта¹⁶; нормативного, но не правового акта¹⁷; акта, содержащего как правовые, так и этические нормы¹⁸, обладающего фактически нормативным действием в отношении адвокатов¹⁹. Конституционный Суд РФ в определениях от 16.12.2010 № 1580-О-О и от 25.02.2013 № 278-О рассматривает КПЭА в качестве нормативного корпоративного правового акта²⁰. Вариативность подходов обусловлена продолжающимися спорами по вопросу о наличии или об отсутствии правового характера корпоративных норм²¹. Кроме того,

¹⁴ Бойков А. Д. Указ. соч.

¹⁵ Лобач Д. В. Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. С. 37.

¹⁶ См.: Бусурина Е. О. Дисциплинарная ответственность судей и адвокатов: сравнительный анализ // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 40–48 ; Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. А. Г. Кучерены. М. : Деловой мир, 2009.

¹⁷ Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39–41.

¹⁸ Лазарев В. В. Общеэтические положения, подлежащие учету в оценке предложений по внесению изменений и дополнений в КПЭА // Вестник Федеральной палаты адвокатов. 2013. № 1. С. 187–189.

¹⁹ Рагулин А. В. Кодекс профессиональной этики адвоката как средство борьбы с критикой в адвокатуре // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 26–39.

²⁰ Захаренков Д. Н. К вопросу о Кодексе профессиональной этики адвоката // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 25–26.

²¹ Козырева А. Б. Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 28.

нет полной ясности касательно соотношения категорий «локальный нормативный правовой акт» и «корпоративный нормативный правовой акт»²². По мнению М. Л. Давыдовой, данные термины могут использоваться в качестве синонимов, т.к. «понятие “корпоративный” характеризует... происхождение акта, а “локальный” — его положение в системе источников права, масштаб действия»²³. Отдельные авторы относят КПЭА к категории регулирующих нравственные отношения в профессиональной юридической деятельности кодексов, являющихся подзаконными корпоративными нормативными правовыми актами, принятыми «самим профессиональным сообществом в рамках делегированного подзаконного правотворчества»²⁴ и порождающими «конкретные юридические последствия для субъектов корпоративного сообщества»²⁵.

Автор не претендует на выработку концептуального решения указанных проблем. Акцент на них необходим для понимания того, что правовой статус КПЭА априори не равнозначен правовому статусу отраслевых кодексов и федеральных законов, что необходимо учитывать при выборе правоприменителем правового предписания, которым следует руководствоваться в условиях юридической коллизии. Как справедливо отмечено Д. В. Лобачем, в силу принципа комплементарности положения КПЭА «в контексте их толкования и применения не могут противоречить законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре», а должны развивать и конкретизировать нормы Закона об адвокатской деятельности²⁶.

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что безусловному выполнению подлежат лишь предписания КПЭА, которые регламенти-

руют не урегулированные федеральным законодательством отношения, а также установки Кодекса, конкретизирующие нормы федерального законодательства, не вступая с ними в противоречие. Соответственно, положения КПЭА и решений Федеральной палаты адвокатов РФ, не отвечающие этим характеристикам, не подлежат исполнению.

Необходимо обратить внимание на то, что апеллирование к п. 4 ст. 6 КПЭА в обстоятельствах, указанных в предписании, является правом, а не обязанностью адвоката. Воспользоваться данным инструментом для самозащиты или нет, определяет он сам. Однако, совершая выбор в его пользу, адвокат должен понимать: осуществление действий, признаваемых допустимыми пунктом 4 ст. 6 Кодекса, если при этом не руководствоваться правилами разрешения (преодоления) иерархической коллизии, влечет нарушение установок, сформулированных в пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Следует признать, что в Законе об адвокатской деятельности подобный инструментарий для обеспечения самозащиты адвокатов, предусмотренный КПЭА, отсутствует. Маловероятно, что посредством принятия КПЭА, содержащего п. 4 ст. 6, адвокатское сообщество стремилось обеспечить продвижение собственных интересов путем использования одного из способов, по мнению Н. И. Суховой, противодействия реализации закона посредством подзаконного правотворчества²⁷. С большей степенью уверенности можем полагать: составители Кодекса введением п. 4 ст. 6 КПЭА пытались устранить пробел в правовом регулировании рассматриваемых правоотношений.

В этой связи не вызывает удивления то, что, согласно материалам, имеющимся в открытом

²² Давыдова М. Л. Локальный (корпоративный) нормативный правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2016. № 1 (30). С. 96.

²³ Давыдова М. Л. Указ. соч.

²⁴ Лобач Д. В. Указ. соч. С. 37–39.

²⁵ Лобач Д. В. Указ. соч. С. 37–39.

²⁶ Лобач Д. В. Указ. соч. С. 86.

²⁷ Сухова Н. И. Способы подзаконного противодействия реализации закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 52.

доступе, подход, основанный на правилах разрешения (преодоления) коллизии, в правоприменительной деятельности игнорируется, а применяется данное предписание КПЭА²⁸. В этом отношении показательно разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы о действиях в сложной этической ситуации, утвержденное решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 26.11.2020²⁹, сформулированное на основании рассмотрения ситуации по представлению адвокатом суду без согласия доверителя соглашения об оказании помощи. Совет признал, что в силу п. 4 ст. 6 КПЭА подобные действия, связанные с оглашением сведений, содержащих адвокатскую тайну, совершенные с соблюдением условий и в обстоятельствах, изложенных в указанном предписании, не являются нарушением требований Закона об адвокатской деятельности и КПЭА о защите адвокатской тайны.

Необходимо отметить, что подобный подход представлен и в юридической литературе. Так, Н. Ю. Акинина и Н. С. Чистяков относят ситуации, когда адвокат становится объектом уголовного преследования и имеется необходимость защиты его прав и интересов, к законным условиям, позволяющим ему раскрывать сведения, полученные от доверителя³⁰. Ранее Н. Ю. Акинина рассматривала защиту позиции адвоката в рам-

ках дисциплинарного производства в качестве особой ситуации, когда также возможен его отказ от обязанностей сохранения адвокатской тайны³¹. Ряд авторов рассматривают возбужденное в отношении адвоката дисциплинарное или уголовное производство в качестве основания разглашения адвокатской тайны³².

Полагаем, что признание действий адвокатов, совершение которых влечет нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности, правомерными и законными только на основании их соответствия п. 4 ст. 6 КПЭА, неприемлемо. В противном случае следует констатировать, что предписания Кодекса не только обладают приоритетом в правоприменительной деятельности перед нормами Федерального закона, но и могут изменять пределы их регулирования, становясь общим правилом, регламентирующим рассматриваемые правоотношения и имеющим большую юридическую силу. Однако это противоречит ч. 5 ст. 76 Конституции РФ, в соответствии с которой при наличии противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон³³.

В силу необходимости обеспечения корпоративных интересов адвокатское сообщество заинтересовано в функционировании отсутствующего в Законе об адвокатской деятельности

²⁸ См.: *Пивень Н.* Адвокатская тайна: когда доверитель против адвоката // Адвокатская газета. 2018. № 16 (273) ; *Иванов С.* Нетипичный случай : О праве адвоката на раскрытие адвокатской тайны без согласия доверителя // Адвокатская газета. 2018. № 16 (273) ; *Кипнис Н.* Предложенный вариант изменения редакции п. 4 ст. 6 КПЭА требует совершенствования // Адвокатская газета. 2018. № 19 (276) ; *Павлова З.* Адвоката не стали привлекать к ответственности за дачу показаний и разглашение адвокатской тайны // Адвокатская газета. 2021. 19 июля.

²⁹ URL: <http://advokatymoscow.ru/alvocate/activity/info7923/> (дата обращения: 25.05.2025).

³⁰ *Акинина Н. Ю., Чистяков Н. С.* Некоторые проблемы нарушения адвокатской тайны // Научные высказывания. 2024. № 9 (56). С. 66–69.

³¹ *Акинина Н. Ю.* Проблемы соблюдения адвокатской тайны // Вестник Югорского государственного университета. 2015. Вып. 1 (36). С. 96.

³² См.: *Рябцева Е. В.* Адвокатская тайна — основа независимости адвоката // Вестник Оренбургского университета. 2013. № 3 (152). С. 160–161 ; *Литвинцева Н. Ю., Сарибекян А. В.* Адвокатская тайна и уголовно-процессуальный закон: пределы вмешательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 131.

³³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>.

правового механизма защиты адвокатом своих прав в условиях гражданского спора между ним и доверителем либо в рамках возбужденного против адвоката дисциплинарного производства или уголовного дела. Однако объективная потребность адвокатов и адвокатского сообщества в целом не может рассматриваться в качестве достаточного основания для признания приемлемости и правомерности сложившейся практики применения п. 4 ст. 6 КПЭА. Пункт 4 ст. 6 КПЭА, содержащий исключения из правил, закрепленных в п. 3 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса, не должен восприниматься в качестве исключения из положений, предусмотренных подпунктом 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Сохранение ситуации в неизменном состоянии фактически вынуждает адвокатов в нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности продолжать по умолчанию руководствоваться пунктом 4 ст. 6 КПЭА. Следование в правоприменительной деятельности предписанию пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности ставит адвоката в условия, когда он, по мнению Е. В. Судоргиной и О. А. Поляковой, не защищен от своего доверителя³⁴. Вместе с тем полагаем, что подобная правовая незащищенность адвоката является поводом для инициирования внесения изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие указанные правоотношения, а не основанием для обхода закона.

Таким образом, сложившаяся к настоящему времени в правоприменительной сфере практика основана на алгоритме действий, который противоречит федеральному законодательству. Сохранение в неизменном виде ситуации, при которой адвокаты в рассматриваемых обстоятельствах вынуждены руководствоваться п. 4 ст. 6 КПЭА, противоречит принципам построения правового государства. При этом следует признать, что объективная необходимость правового механизма самозащиты адвокатов имеется.

Выбор способа правового регулирования рассматриваемых правоотношений, основан-

ный на абсолютизации адвокатской тайны и недопустимости ее разглашения без согласия доверителя, не лишает адвоката непосредственно самого права на самозащиту. Однако в условиях невозможности использования на законных основаниях правовых средств и инструментов, позволяющих доказать правомерность своих действий при оказании квалифицированной юридической помощи, данное право становится декларативным. Более того, в перспективе не исключен рост числа фактов злоупотребления правом недобросовестными доверителями и, как следствие, привлечения адвокатов к дисциплинарной и иной юридической ответственности.

В этой связи полагаем, что адвокаты и адвокатура заинтересованы в формировании правового механизма самозащиты, в том числе предусматривающего возможность разглашения без согласия доверителя сведений, полученных при осуществлении профессиональной (адвокатской) деятельности. Признание допустимости predания огласке соответствующих сведений фактически влечет закрепление на законодательном уровне относительного характера адвокатской тайны, продиктованного наличием исключения из установленных в нормативных правовых актах запретов, регламентирующих ее границы. Однако без этого формирование подобного правового механизма невозможно. При этом в его рамках необходимо наделить адвокатов правом на разглашение в необходимом объеме таких сведений без согласия доверителя, получение которого в условиях конфликта между указанными субъектами крайне проблематично, если вообще возможно. Полагаем, что в предлагаемой модели правового регулирования анализируемых правоотношений эти сведения используются не против доверителя в условиях оказания ему квалифицированной юридической помощи, а исключительно для аргументации позиции адвоката при его самозащите.

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что в рассматриваемой ситуации исполь-

³⁴ Судоргина Е. В., Полякова О. А. Адвокатская тайна как проблема нравственного регулирования деятельности адвоката в России // Аллея науки. 2019. № 1 (28). С. 49–54.

зование правила разрешения иерархической коллизии для преодоления противоречий между п. 4 ст. 6 КПЭА и пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности неэффективно. Это приводит к лишению адвокатов инструмента защиты в вышеуказанных обстоятельствах. Интересам адвокатского сообщества в создании правомерно функционирующего правового механизма самозащиты адвоката в спорах с дове-

рителем отвечает устранение рассматриваемой юридической коллизии. В этих целях следует в установленном законом порядке внести изменения в ст. 6 Закона об адвокатской деятельности, направленные на корректировку предмета и границ адвокатской тайны посредством закрепления положения, идентичного или сходного по содержанию с предписанием, сформулированным в п. 4 ст. 6 КПЭА.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акинина Н. Ю. Проблемы соблюдения адвокатской тайны // Вестник Югорского государственного университета. — 2015. — Вып. 1 (36). — С. 95–98.
2. Акинина Н. Ю., Чистяков Н. С. Некоторые проблемы нарушения адвокатской тайны // Научные высказывания. — 2024. — № 9 (56). — С. 66–69.
3. Анисимов В. Ф. Пределы адвокатской тайны // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 3. — С. 64–70.
4. Бойков А. Д. Нужно действовать в интересах права. В предмет профессиональной тайны адвоката не должны входить сведения о готовящемся тяжком и особо тяжком преступлении // Адвокатская газета. — 2010. — № 1 (66).
5. Бураева С. К. Об адвокатской тайне // Вестник Бурятского государственного университета. — 2024. — № 2. — С. 263–265.
6. Бусурина Е. О. Дисциплинарная ответственность судей и адвокатов: сравнительный анализ // Адвокатская практика. — 2012. — № 4. — С. 40–48.
7. Григорьева Т. А., Щербакова Л. Г. Этические проблемы сохранения адвокатской тайны // Правовая культура. — 2018. — № 3 (34). — С. 38–44.
8. Давыдова М. Л. Локальный (корпоративный) нормативный правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. — 2016. — № 1 (30). — С. 93–98. — DOI: 10.1732/2072-8166.2021.4.4.24.
9. Захаренков Д. Н. К вопросу о Кодексе профессиональной этики адвоката // Евразийская адвокатура. — 2017. — № 1 (26). — С. 21–28.
10. Исанов С. Н. О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре // Адвокат. — 2004. — № 11. — С. 10–16.
11. Козырева А. Б. Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3 (76). — С. 28–40.
12. Лазарев В. В. Общетеоретические положения, подлежащие учету в оценке предложений по внесению изменений и дополнений в КПЭА // Вестник Федеральной палаты адвокатов. — 2013. — № 1. — С. 187–189.
13. Лашкин Ф. Г. Судебные споры адвокатов с доверителями // Уголовный процесс. — 2019. — № 7. — С. 22–31.
14. Литвинцева Н. Ю., Сарибекян А. В. Адвокатская тайна и уголовно-процессуальный закон: пределы вмешательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4 (26). — С. 128–136.
15. Лобач Д. В. Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. — 102 с.

16. Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. — 2008. — № 4. — С. 39–41.
17. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. А. Г. Кучерены. — М. : Деловой мир, 2009. — 248 с.
18. Рагулин А. В. Кодекс профессиональной этики адвоката как средство борьбы с критикой в адвокатуре // Евразийская адвокатура. — 2020. — № 6 (49). — С. 26–39.
19. Рябцева Е. В. Адвокатская тайна — основа независимости адвоката // Вестник Оренбургского университета. — 2013. — № 3 (152). — С. 158–161.
20. Судоргина Е. В., Полякова О. А. Адвокатская тайна как проблема нравственного регулирования деятельности адвоката в России // Аллея науки. — 2019. — № 1 (28). — С. 49–54.
21. Сухова Н. И. Способы подзаконного противодействия реализации закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — № 2 (139). — С. 44–53. — DOI: 10.24412/2227-7315-2021-2-44-53.
22. Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 21 с.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akinina N. Yu. Problemy soblyudeniya advokatskoy tayny // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — Vyp. 1 (36). — S. 95–98.
2. Akinina N. Yu., Chistyakov N. S. Nekotorye problemy narusheniya advokatskoy tayny // Nauchnye vyskazyvaniya. — 2024. — № 9 (56). — S. 66–69.
3. Anisimov V. F. Predely advokatskoy tayny // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. — 2013. — № 3. — S. 64–70.
4. Boykov A. D. Nuzhno deystvovat v interesakh prava. V predmet professionalnoy tayny advokata ne dolzhny vkhodit svedeniya o gotovyashchemsya tyazhkom i osobo tyazhkom prestuplenii // Advokatskaya gazeta. — 2010. — № 1 (66).
5. Buraeva S. K. Ob advokatskoy tayne // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2024. — № 2. — S. 263–265.
6. Busurina E. O. Distiplinarnaya otvetstvennost sudey i advokatov: sravnitelnyy analiz // Advokatskaya praktika. — 2012. — № 4. — S. 40–48.
7. Grigoreva T. A., Shcherbakova L. G. Eticheskie problemy sokhraneniya advokatskoy tayny // Pravovaya kultura. — 2018. — № 3 (34). — S. 38–44.
8. Davydova M. L. Lokalnyy (korporativnyy) normativnyy pravovoy akt kak predmet teorii prava: modifikatsiya ponyatiya i terminologicheskie diskussii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya. — 2016. — № 1 (30). — S. 93–98. — DOI: 10.1732/2072-8166.2021.4.4.24.
9. Zakharenkov D. N. K voprosu o Kodeke professionalnoy etiki advokata // Evraziyskaya advokatura. — 2017. — № 1 (26). — S. 21–28.
10. Isanov S. N. O nekotorykh normakh zakonodatelstva ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature // Advokat. — 2004. — № 11. — S. 10–16.
11. Kozyreva A. B. Korporativnye normy: pravovoy kharakter, priznaki, sanktsii i sootnoshenie s zakonodatel'nymi normami // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2017. — № 3 (76). — S. 28–40.
12. Lazarev V. V. Obshcheteoreticheskie polozheniya, podlezhashchie uchetu v otsenke predlozheniy po vneseniyu izmeneniy i dopolneniy v KPEA // Vestnik Federal'noy palaty advokatov. — 2013. — № 1. — S. 187–189.
13. Lashkin F. G. Sudebnye spory advokatov s doveritelyami // Ugolovnyy protsess. — 2019. — № 7. — S. 22–31.

14. Litvintseva N. Yu., Saribekyan A. V. Advokatskaya tayna i ugovno-protsessualnyy zakon: predely vmeshatelstva // Sibirskie ugovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2019. — № 4 (26). — S. 128–136.
15. Lobach D. V. Professionalnaya etika yurista: ucheb. posobie. — Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo federalnogo universiteta, 2022. — 102 s.
16. Malinovskiy A. A. Kodeks professionalnoy etiki: ponyatie i yuridicheskoe znachenie // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 4. — S. 39–41.
17. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii» / pod obshch. red. A. G. Kuchereny. — M.: Delovoy mir, 2009. — 248 s.
18. Ragulin A. V. Kodeks professionalnoy etiki advokata kak sredstvo borby s kritikoy v advokature // Evraziyskaya advokatura. — 2020. — № 6 (49). — S. 26–39.
19. Ryabtseva E. V. Advokatskaya tayna — osnova nezavisimosti advokata // Vestnik Orenburgskogo universiteta. — 2013. — № 3 (152). — S. 158–161.
20. Sudorgina E. V., Polyakova O. A. Advokatskaya tayna kak problema npravstvennogo regulirovaniya deyatel'nosti advokata v Rossii // Alleya nauki. — 2019. — № 1 (28). — S. 49–54.
21. Sukhova N. I. Sposoby podzakonnogo protivodeystviya realizatsii zakona // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2021. — № 2 (139). — S. 44–53. — DOI: 10.24412/2227-7315-2021-2-44-53.
22. Tokmakov I. S. Soglasenie ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi: teoriya i praktika advokatskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2013. — 21 s.